

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

**СОВРЕМЕННАЯ НАРСПИАНА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Материалы межрегиональной
научно-практической конференции**

Чебоксары 2008

Редакционная коллегия:

академик РАО Л.П. Кураков (гл. редактор),
д-р филол. наук, профессор В.Г. Родионов (зам. гл. редактора),
д-р филол. наук, профессор Г.А. Ермакова,
д-р филол. наук, доцент А.Ф. Мышкина (редактор-составитель),
канд. филол. наук, доцент А.М. Иванова,
канд. филол. наук, доцент И.В. Софронова.

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова*

Современная Нарспиана: итоги и перспективы: Материалы
С 56 межрегион. науч.-практ. конф. / Сост. и науч. ред. А.Ф. Мышкина. –
Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 228 с.

ISBN 978-5-7677-1201-4

В сборник включены статьи участников межрегиональной научно-практической конференции «Поэма К.В. Иванова «Нарспи» - шедевр мировой литературной классики», посвященной 100-летию со дня написания и издания бессмертной поэмы классика чувашской поэзии К.В. Иванова, которая состоялась 14 февраля 2008 г. в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары.

В исследованиях анализируется современное состояние Нарспианы в аспекте подведения итогов и определения перспектив данного направления чувашского литературоведения. В сборник вошли также и исследования литературоведов Урало-Поволжья, изучающих творчество К.В. Иванова.

Ответственность за содержание, глоссирование и перевод примеров несут авторы статей.

Для аспирантов и студентов старших курсов филологических факультетов, а также преподавателей-филологов национальных вузов и школ.

Концепты, получившие особые чувашские собственные имена: Нарспи, Сетнер, Сентти, Тӑхтаман, Михетер. Концепты, получившие особые названия деревень: Силпи, Турикас, Хушӑлка.

Литература

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. – Л., 1928. – С. 28–44.
2. Иванов К. Собрание сочинений. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. – 450 с.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Раздумья о России. – СПб.: Изд-во ЛОГОС, 1999. – С. 493-505.
4. Кузнецова А.В. Когнитивная парадигма художественного универсума: концептуализация и художественность // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы третьего международного конгресса исследователей русского языка. – М.: МГУ, 2007. – С. 440-441.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки, – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.– 230 с.
6. Серебряный век русской поэзии / Сост., вступ. ст. примеч. Н.В. Банникова. – М.: Просвещение, 1993. – 432 с.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Язык русской культуры, 1997. – 894 с.

Т.Г. Пантелеева

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск*

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭМЕ К. ИВАНОВА "НАРСПИ" И М. ПЕТРОВА "ИТАЛМАС"

Чуж италмас но тон мыным но,
Лыз инвожо но тон мыным,
Кыр тюрагай но тон мыным но,
Чуж учыпи но тон мыным.

Ты для меня и желтый италмас,
Ты для меня и синий василёк,
Ты для меня и жаворонок полевой,
Ты для меня и желтый соловей¹

П. Кузнецов

¹ Италмас – лазоревый цветок, купальница. Перевод с удмуртского автора статьи.

Удмуртский фольклор и литература богаты женскими образами. Достоинства женщины, девушки, возлюбленной, невесты воспеваются в древне-удмуртской народной песне «Лымы тодьы» (Белый снег), «Борддоре но шуккылэм, ой картинка кадь...» (Словно картинка со стены...), «Нюлэскы но ветлыкум» (Когда гуляла я по лесу. Ашальчи Оки), «Чуж италмас» (Желтая купальница, П. Кузнецова) и др.

Если в удмуртской народной песне "Белый снег" девушка сама представляет себя окружающим: у неё платочек белее снега, щечки румянее яблока, платье зеленее, чем трава на лугах, фартук пестрее радуги, чулочки пестрее, чем оперенье сороки, то в песне «Желтая купальница» П. Кузнецова, талантливого композитора Удмуртии, образ девушки, возлюбленной создан юношей, мужчиной. Не нарушая фольклорной традиции, композитор создал некий идеальный образ девушки-удмуртки. Именно ассоциация с италмасом – символом любви и расставания у удмуртов – подчеркивает в ней черты национальной красавицы. Для него любимая – это и цветок лазоревый, и жаворонок, и соловей. Таким образом, автор песни обобщил все таланты и достоинства ее. Когда он говорит, что она италмас, представляет ее в желтом платье, когда он говорит, что она "василёк", представляет ее в синем платочке, сопоставление с жаворонком – намек на сладкоречивость, с соловьем – на певучесть, музыкальность. Такой воспринимается девушка глазами влюбленного юноши. В отличие от народной песни, где используется художественный прием параллелизма, у нашего современника песня построена на метафоре. Несмотря на некоторые различия в использовании художественных средств и приемов, в обоих произведениях девушку изображают, начиная с портретной характеристики, затем постепенно раскрывают ее внешнюю и духовную красоту. У П. Кузнецова девушка не только красива, но и речиста, и певунья. Важно, сравнение как средство художественной выразительности помогает автору выразить восхищение красотой и талантом любимой, передать эмоции любовного восторга.

Как видим, в удмуртском фольклоре и тем более в литературе широко распространены песни о красоте и таланте удмуртской женщины. Можно привести много примеров, но

среди них особо выделяется поэма М.П. Петрова "Италмас". По этому поводу, исследователь творчества писателя, Ф.К. Ермаков пишет, что "Италмас" – «самая талантливая поэма М.П. Петрова, что это гимн любви, гимн вечно молодому и красивому чувству, она глубоко эмоциональна» [2. С. 7]. Венгерский ученый Петер Домокош справедливо утверждает, что "точный язык, изысканный стиль, умелое использование фольклорных традиций, безусловно, делают "Италмас" одной из лучших удмуртских поэм" [3. С. 334]. Эти же слова можно отнести и к поэме чувашского поэта К. Иванова "Нарспи". Нарспи и Италмас – два ярких, художественно завершенных женских образа в чувашской и удмуртской литературах. Временная дистанция между созданием поэм – 38 лет, которые включают в себя революционные преобразования в обществе, репрессии, Отечественную войну, послевоенную разруху. Несмотря на некоторое несходство во времени и условий создания произведений, женские образы чувашского и удмуртского поэтов близки, их можно считать родными сестрами, настолько в них много сходного, объединяющего. Возможно, это связано во-первых с "общностью исторической поэтики, мифопоэтических образов и символов, а также близостью национальных картин мира, как утверждает литературовед Родионов В.Г., вытекающих из агглютинативного языкового и пентатонного музыкально-философского мышления народов Урало-Поволжья" [4. С. 52], а также влиянием поэзии талантливого чувашского поэта К. Иванова на творчество молодого удмуртского писателя М.П. Петрова.

Следует обратить внимание на тот факт, что в 1940 г. по постановлению правления Союза писателей СССР, решено было отметить 50 летний юбилей классика чувашской литературы К. Иванова. Юбилейный пленум должен был проводиться в столице Чувашской Республики в городе Чебоксары. В связи с наступающими торжествами на страницах республиканского журнала "Молот" (1940, №№ 6, 7, 8) напечатали поэму "Нарспи" К. Иванова в переводе на удмуртский язык, Алексея Афанасьева – чуваша и Михаила Можгина – удмурта, оба родом из д. Поталово-Тумбарла нынешнего Бавлинского района Татарстана. Переводчики

владели чувашским, татарским, удмуртским, русским языками. редактор – М.П. Петров – татарский язык знал, как и удмуртский, русский, к тому же, он был участником юбилейного пленума. Отрадно, позднее, в 1962 г., поэма "Нарспи" была издана отдельной книгой в Удмуртии, рецензию на неё написал будущий талантливый поэт В. Романов (его отец был по национальности чуваш, сам поэт родом из д. Уд. Ташлы Бавлинского района Татарстана, также отлично владел чувашским и удмуртским языками).

Несомненно, приобщение к культуре, литературе, языку соседних народов (чуваш, татар, русских) способствовало тому, что автор поэмы "Италмас", прозаик, драматург, теоретик, публицист М. Петров и переводчики чувашской классики смогли расширить тематику и обогатить удмуртскую литературу новыми произведениями, колоритными женскими образами.

Можно предположить, что предвоенное время, когда вся передовая удмуртская интеллигенция была репрессирована (писатели, журналисты, общественные деятели, большинство из них погибли или находились под большим психологическим давлением со стороны властей), когда сверстники, современники К. Иванова обвинялись в "буржуазном национализме", "гердовщине", торжественное собрание, посвященное в честь этого классика чувашской литературы, не могло не вызвать эмоциональные переживания писателей. Безусловно, эти впечатления, испытанные тогда М. Петровым, впоследствии были подкреплены и чтением стихотворения М. Лермонтова "Незабудка". В этом можно убедиться, обратившись к его эпистолярному наследию. В одном из писем с фронта тогдашнему председателю Союза писателей Удмуртии А. Лужанину, он писал: "На днях я прочел "Незабудку" Лермонтова. Вспомнил удмуртскую легенду наших краев об "италмаса" (цветок) и решил написать. Пишу уже шестой день, подхожу к концу".

На основе чувашского и удмуртского фольклора авторам поэм "Нарспи" и "Италмас" удалось воссоздать мифологическо-образное мироощущение народов и их ментальность. При этом, в центре внимания поэтов и актуальные проблемы, связанные с

реалиями исторической эпохи. Акценты были сделаны на бесправное положение простых людей, например, Нарспи поет:

Замуж выдали насильно –
Здесь я счастья не найду.
Нет, родительская воля
Лишь на горе, на беду <...>
Мир безрадостен вокруг<...>
Честь растоптана моя <...>
Жизнь тоски и мук полна.

Подобные ситуации находим и у М. Петрова:

У Далко загораются гневом зрачки.
Засверкали слова, как стальные клинки:
"Значит, ты предлагаешь устроить торги?
Хочешь девушку взять за отцовы долги?
И напрасно ты пел, мол, богатство в жене,
Извивался ужом. Ведь нутро твое мне
Стало ясно вполне".

Близость фольклора, обычаев, верований, этнопедагогике, общность политической ситуации, в которых оказались чувашский и удмуртский народы, способствовали созданию типичных образов героинь в поэмах "Нарспи" и "Италмас". В обоих произведениях беспросветную жизнь героев объясняли судьбой, роком. В частности, К. Иванов писал: "Что судил великий плюех, / От того нам не уйти". Или: «Нет, Сетнера в книгу жизни / Пюлех с жребием таким / Записал. Не плачь, родная: / Нам ли, смертным, спорить с ним? /<...>. Или: «Так судьба её сложилась./ Так Нарспи среди мук и бед, / Жертвой став суровых нравов,/ Умерла во цвете лет».

Как видно, в основе трагических судеб героинь лежат и социальные проблемы, и традиции старины далекой, и этнопедагогике. Вот пример из произведения удмуртского классика: «С роком спорить нельзя – покоримся ему». Или: «Что тебя, Италмас, горемычную, ждет, / Ты не знала и знать не могла наперед. / Горе в избу вошло, не спросясь никого, / Село в красном углу – почитайте его. <...> Жаль и маму родную, что век прожила. / А счастливою тоже ни дня не была. / Лишь вздыхала за прялкою думам в ответ. / "Боже мой, лучше б не родиться на свет". / Помнит дочь и отцовское горькое: "Да". / Лишь от них, от богатых, вся наша беда, / Сгинем мы без следа "/

А теперь и сама понимает она, / Отчего так людская слеза
солона./ За бедою беда, за нуждою нужда – / И, должно быть,
умолк ее смех навсегда...»

Однако авторы поэм с особой силой лиричности воспевают
любовь молодых. Какой бы тяжелой, трудной не была жизнь,
молодость вступает в свои права. К. Иванов: «А Сетнер стоит, сияет,
/ Весь от счастья кипит. / Очи огненные пылко / На красавицу
глядят, / И уста под первым пухом / Слово ласки ей дарят».

М. Петров: «Ну зачем ты, Камаш, видел дивные сны, /
Загляделся в глаза неземной глубины? Ты'забыл белый свет, все
на свете забыл. / Крепко обнял ее – видно, крепко любил. /
Небеса и земля – все смешалось на миг, / Он к девичьим губам –
жаль, что миг не велик, / Осторожно приник».

На первый взгляд кажется, что К. Иванов и М. Петров
изобразили любовь традиционно, но если внимательно
вчитаться в текст поэм, то она в них приобретает особое
психологическое содержание, поэтическое звучание,
усиливающееся за счет используемых художественных приемов
и средств, в частности, параллелизма и портрета персонажей,
способствующих раскрытию характера и внутренних
переживаний героинь. К. Иванов: «Лишь окинет парня взором –
/ Затрепещет сердце в нем; / Улыбнется – переполнит / Душу
негой и теплом. / Кто приветливо не взглянет / На цветок родных
полей? Кто, красавицу увидев, / Не вздохнет потом по ней?» Или:
«Одуванчик ярко-желтый / Средь травы цветет в степи, / А в
Сильби растет девица / С редким именем Нарспи / На лицо она
прекрасна, / как цветочек полевой./ Очи – черные агаты – /
Блещут силой огневой. / Вьется локон своевольный, / От косы
спускаясь вниз».

М. Петров: «Всех пригожей она средь подружек была, /
Всем – и статью и нравом веселым взяла. / Только вскинет
она, черноглазая, взгляд, – / Так и кажется – птицами брови
взлетят. / И сама улетела бы – "Мама,пусти! / Если б знала,
где счастье свое обрести, / Жаль, безвестны пути"».

Эмоционально-личностное состояние героинь
воспроизводится с помощью картин природы, которая
становится соучастницей событий, передает напряжение,
проявляясь во всем, например, «темный лес шумит», «дуб

приветствует» у К. Иванова, тем самым то покрывает героев, то по отношению к ним враждебно настроена.

К. Иванов: «Солнце село. Стало тише / И спокойнее в Сильби <...>. Звезды мелкие на небе / Все попрятались давно. / Собрались над лесом тучи / И от них черным – черно <...>. Лес густой шумит, а ветер / Воет, как голодный волк. / Лес дремучий освещая, / Всюду молнии блестят».

Когда влюбленные решили убежать, то природа, как живое существо, становится враждебной по отношению к ним: густой, дремучий, суровый лес шумит, всюду дикий крик и гомон птиц, ветер воет как голодный волк. На фоне этих страшных картин, один дуб поддерживает влюбленных: «Дуб стоит во тьме, как улып – / Великан, шумя листвою; / Говорит: "Счастливым путь вам!" / И кивает головой».

Как известно, в чувашской мифологии "дуб – отец родной". Можно сделать вывод, что вся природа: лес, тучи, молнии, ветер – это чужие люди, и среди них Дуб – Великан – отец родной, поэтому он сочувствует беглецам, счастья желает, и поэтому под его кроной они чувствуют себя как дома: «Крепко спит Сетнер под дубом / Под высоким, сладко спит. / Рядом с ним, у изголовья / Сидя, дремлет и Нарспи». Или: «Занялася заря. Светает / Скоро солнышка восход / Только вспыхнул день – на свадьбу / Собирается народ».

В данном контексте восход солнца, как обычно, не приносит желаемого веселья – невеста убежала. Или: «Солнце жаркое пылая, / Перешло давно зенит./ За околицей сегодня / Почему-то лес звенит. <...>. Первым вылетел из леса / Зять наш славный Тахтаман <...>. Вид разгневанный и злой, <...>».

А у невесты с обиды: «Сердце пламенем горит / Жениха, Нарспи, увидев / Громко ропщет, голосит: "О родители, зачем вы / Погубили жизнь мою?! И зачем в чужие руки / Вы отдали дочь свою?" <...> Эх ты жизнь моя, недоля!.. / Лишь осталось умереть. / Эх судьбина, и Нарспи ведь / В доме недруга хиреть /<...>. И куда теперь деваться / Мне с кручиной черной, злой? <...>. У Нарспи кручина злая / Режет сердце на куски <...> С каждым днем сильнее солнце / Землю-матушку печет; / У Нарспи кручина злая / Сердце бедное сосет».

Далее поэт продолжает:

Убежавших двух влюбленных
Лес дремучий не укрыл <...>.
Такова, знать, воля божья,
Знать такие времена.

У М. Петрова:

Сорвав на яру одиноко растущий цветок,
Пела на берегу, неудержимо плача:
"Пусть эти монисты мои превратятся в рыбу чешую,
Пусть кашемировый платок мой носит русалка.
Водорослями, наверное, станут косы мои.
Ой, почему же, не наградили счастьем меня, мамочка,
Любимый отец" [2. С. 44].
(Здесь и далее буквальный перевод наш. - Т.П.)

Оба поэта построили свои поэмы на параллелизме и метафоре, природа в их произведениях олицетворена. Когда они стремятся полнее раскрыть внутренний мир героинь, их переживания, драматизм положения, то обращаются к силам природы: она то гармонирует, то контрастирует их душевному состоянию, то враждебно настроена.

Обе героини погибли, но их чистая любовь и сегодня трогает сердца молодых людей, их чувства понятны и живы в памяти людской.

Чувашский народ: Песни грустные сложила,
Все их помнят и поют
И поныне сильбияне
Суховейною порой
Поливают дерн над нею
Родниковою водой.

Удмуртский народ:

Цвет разлуки. Удмурты зовут и сейчас
Их тугие бутоны цветком италмас,
Чтобы горя не ведать, не знать маеты,
Для возлюбленных рвут там, где травы густы,
Голубые цветы! [2. С. 48].
Очень долго волны на воде играли,
Береговым ивам сказки рассказывали ...
С тех времен желто-золотистые цветы с лугов
Многие удмурты италмасом называют.
С тех времен желтый цвет цветом разлуки называют.
Девушке своей цветы голубые ищите на лугах,
Возле рош... [2. С. 48].

Бесспорно, творение талантливых поэтов прошло испытание временем, оно является образцом высокой поэзии. Хотелось бы завершить размышление о дух бессмертных произведениях классиков чувашской и удмуртской поэзии строками из поэмы «Италмас» Михаила Петровича Петрова:

Любовь, любовь! Что это такое?
Может быть ты – радость, может быть ты – горе?
Жизнь ты счастливой, солнечной делаешь.
А почему ты иногда до гибели доводишь?
Любовь – без дыма быстро горящее огненное сердце,
Любовь – цветущая красота весны,
Пение соловья.
Любовь разве спросит разума и совета!
Любовь перейдет через широкие реки.
Любовь – шелестящие ночные ветры в садах,
Любовь – это долгожданные сны.
Любовь она без приглашения нечаянно грядет,
Любовь, говорят, слепа, а в ужасной темноте
Она узнает без света [2. С. 48].

Литература

1. Иванов К.В. Нарспи: Поэма // К.В. Иванов. Сочинения / Второе, доп. изд. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1990. – С. 80 - 197.
2. Петров М.П. Италмас: Поэма / Перевод с удмуртского В.К. Семакина. – Ижевск: НОУ «КИГТ», 2006. – 56 с.
3. Домокош П. История удмуртской литературы / Перевод с венгерского В. Васовчик.– Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.
4. Родионов В.Г. Особенности истории литератур народов Урало-Поволжья (до 30-х гг. XX в.) // М.П. Петров и литературный процесс XX века: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100 летию со дня рождения классика удм. лит.: сб. статей / Отв. ред. С.Т. Арекеева, Т.И. Зайцева. – Ижевск: УдГУ, 2006. – 352 с.